

ИВАНОВ А.А.

**Разведывательная интервенция (1917-1919
гг.)**

**спецслужбы как актер советско-британского
противостояния на Русском Севере**

УДК 93
ББК 63.3
И17

ИВАНОВ А.А.
И17 Разведывательная интервенция (1917-1919 гг.): спецслужбы как актор советско-британского противостояния на Русском Севере / ИВАНОВ А.А. – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: Издательство Нобель Пресс, 2024. – 172 с.

ISBN 978-5-518-54391-1

Монография посвящена исследованию места и роли органов государственной безопасности в развитии политических отношений между Советской Республикой и Британской Империей после революции 1917 года. Автор опирается на обширный комплекс опубликованных и неопубликованных источников из отечественных и зарубежных архивов. Книга рассчитана на ученых, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также всех лиц, интересующихся историей Гражданской войны в России.

ISBN 978-5-518-54391-1

© Издательство Нобель Пресс, 2024
© ИВАНОВ А.А., 2024

ВВЕДЕНИЕ

Мир к настоящему моменту пережил существование нескольких систем международных отношений, каждая из которых отличалась достаточно высокой степенью конфликтности. Политические противостояния, часто переходящие в военные, были характерны почти для всех этапов развития человечества. Наивысшая концентрация конфликтов разных типов и масштабов наблюдалась в XX веке, ставшем периодом интенсивного противостояния государств, идеологий, политических режимов. Широкое распространение получили в прошлом столетии гражданские войны, являющиеся одной из самых кровопролитных разновидностей конфликтов – они имели место в Испании, Греции, Китае, Югославии и т.д. Однако и в XXI веке подобные проблемы не были полностью изжиты.

Более того, в свете событий 2011 года в Ливии все более яркими становятся выступления отечественных экспертов и аналитиков (например, С.Е. Кургиняна), предрекающих распад существующей системы международных отношений на том основании, что американская внешняя политика усиливает свою интервенционную составляющую и становится все более хаотичной в выборе мишеней для нападения. Иными словами, интервенция в Ливию предстает одним из символов формирования «нового мирового порядка», отличающегося абсолютной бессистемностью и уже этим угрожающего безопасности современных государств. Подобные утверждения не являются для науки новыми – еще в 1918 году мыслитель О. Шпенглер под влиянием событий Первой мировой войны опубликовал книгу «Закат Европы», где точно так же предсказывал скорую гибель европейской цивилизации. Однако такие прогнозы сбываются крайне редко.

К тому же, американская интервенция никак не может считаться символом краха системы международных отношений хотя бы потому, что операция «Одиссея Рассвет» в Ливии далеко не является уникальной. В течение одного только XX века Соединенные Штаты организовали целый ряд военных интервенций в Мексику, Корею, Вьетнам, Никарагуа, Югославию и т.д. Помимо активного участия в российской Гражданской войне американские солдаты сражались на полях еще, как минимум, пяти гражданских войн в разных концах света. По сути, происходящие время от времени интервенции США напрямую не связаны с системой международных отношений и являются не столько фактором развития этой системы, сколько фоном.

При этом стоит уточнить, что интервенцией мы можем называть не всякое применение военной силы за пределами своей страны, а лишь вооруженное вмешательство в уже существующий в каком-либо регионе конфликт. Отсюда, называть, например, свержение С. Хусейна в Ираке интервенцией было бы неверно – в этом случае гораздо корректнее использовать термин «вторжение».

Не являясь сторонником разнообразных «теорий заговора», стереотипов о могуществе западных спецслужб, и не разделяя стремления многих общественно-политических деятелей в России разоблачать агрессивную политику британского, американского или даже мирового «империализма», должен предупредить читателя, что в основу данной работы положены, в первую очередь, принципы научности. Сделанные выводы никоим образом не связаны с политическими взглядами автора – просто обнаруженные в ходе исследования архивные документы практически исключают возможность иной трактовки, чем та, что представлена в настоящем произведении.

Как бы то ни было, главную цель написания этой книги можно определить, как попытку проникнуть в причины иностранного военного вмешательства в российскую Гражданскую войну, определить степень контрреволюционности устремлений инициаторов этого вмешательства, установить возможные мотивы. Для этого в основу настоящей работы были положены многочисленные источники, в основном почерпнутые из различных архивных

учреждений: федеральных (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военный архив, Российский государственный архив Военно-морского флота), региональных (Государственный архив Мурманской области, Национальный архив Республики Карелия, Государственный архив Архангельской области), зарубежных (Национальный архив Соединенных Штатов Америки, Национальный архив Великобритании, архив Австралийского военного мемориала).

Среди проанализированных документов значительную долю составляют материалы дипломатических ведомств Великобритании и США, иностранных разведывательных и контрразведывательных органов, военных структур. Большое внимание было уделено и документам антибольшевистских правительств Белого Севера, а также советских управленческих институтов и спецслужб.

Привлечение таких источников способствует более полному и детальному раскрытию темы, объективному и всестороннему ее анализу на основе конкретных фактов, а не домыслов.

ГЛАВА I

МЕСТО И РОЛЬ СПЕЦСЛУЖБ ВО ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТАХ

1.1. Гражданская война и иностранная интервенция в России: конфликтологический анализ.

Гражданские войны как разновидность острых политических конфликтов неоднократно имели место в истории различных стран и народов. Современной науке известны внутренние вооруженные противостояния в Англии XVII века, в США и Венесуэле в XIX веке, в Финляндии, Китае, Испании, Греции и т.д. в веке XX. Российская Гражданская война 1918–1920 годов в этом смысле далеко не являлась уникальной. Она развивалась в соответствии с общими закономерностями, характерными для гражданских войн различных эпох, хотя и не без определенной специфики. Остановимся на этих закономерностях подробнее.

Во-первых, одной из присущих гражданским войнам очевидных черт является внутренняя нестабильность страны, в которой протекает конфликт, проявляющаяся в самых разных сферах – от нестабильности территориального устройства и дестабилизации устоявшейся системы социальных связей до дисбаланса сферы денежного обращения, торговли, здравоохранения, транспорта и т.д. Недаром поэт-символист К.Д. Бальмонт, по воспоминаниям его второй жены, описывал ситуацию в Советской России уже в начале 1918 года, как «полное расстройство всех условий жизни»¹.

Во-вторых, в отличие от иных типов внутривнутриполитических конфликтов, в ходе гражданских войн использование противниками средств военного насилия приобретает неограниченный характер, порождая абсолютизацию карательных-репрессивных методов управления, террор в отношении мирного населения, милитаризацию общества. В данном контексте интересно замечание известного ученого В.И. Вернадского, сделанное им весной 1920 года, о том, что большевистский способ управления страной был неразрывно связан с такими явлениями как пытки и смертная казнь², хотя подобные утверждения вполне справедливы и в отношении «белых», особенно на Юге России. К слову, в одной из своих работ Л.Д. Троцкий косвенно подтверждал означенные тезисы, говоря о том, что «война, как и революция, основана на устрашении», «она убивает единицы, устрашает тысячи»³.

В-третьих, практически любая гражданская война по своей природе многомерна, то есть, порождена целым комплексом противоречий по значимым социальным, политическим, экономическим и иным вопросам, мирное разрешение которых оказалось невозможным или нежелательным хотя бы для одной из конфликтующих сторон. Отсюда, вполне логично, что протекает конфликт одновременно во всех названных областях и исключительно военными действиями не ограничивается. На эту черту еще в середине XX века обращал внимание социолог П.А. Сорокин, говоря о несовпадении «высших ценностей» у участников гражданской войны, как о главном ее источнике⁴. При этом многосторонность конфликта естественным образом приводит к его массовости, так как возникшие в обществе системные противоречия в той или иной степени затрагивают основную массу населения страны.

В-четвертых, сформировавшийся комплекс противоречий ведет к непримиримости противостояния, когда война заканчивается лишь с победой одного из лагерей, а мирные способы урегулирования во внимание не принимаются.

¹ Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1996. С. 504.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 1. Д. 494. Л. 122об.

³ Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 56–57.

⁴ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 493.

В частности, В.И. Ленин описывал политику возглавляемой им партии, как «непримиримую в борьбе с контрреволюционными элементами»⁵. В таком же духе были написаны и обращения сибирского правительства А.В. Колчака, призывавшие к «непримиримой борьбе с большевизмом», а П.Н. Врангель в мемуарах даже упрекал своего предшественника на посту командующего Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина за «одностороннюю, непримиримую политику». В результате, противостояние «красных» и «белых» часто именовалось отечественными авторами вовсе не борьбой, а истреблением⁶.

Как заметил по этому поводу историк В.Л. Телицын, для гражданских войн свойственна активизация «двухполюсной картины социальной борьбы», архетипа «мы – они», «свои – чужие». Применительно к событиям 1918–1920 годов в России корни такого подхода, по-видимому, крылись в переносе накопленных в предшествующий период отрицательных эмоций с внешнего врага на врага внутреннего, свойственном как для «красных», так и для «белых». Со стороны большевиков подтверждение этому можно найти в известной формуле «превращения империалистической войны в войну гражданскую»⁷. Со стороны представителей антибольшевистского движения схожие мотивы явно просматриваются в активном использовании тезиса о шпионаже лидеров РСДРП(б) в пользу внешнего врага – немцев, хотя неоспоримых доказательств этому факту не представлено до сих пор.

Интересно, что и рядовые участники Гражданской войны не избежали описанной экстраполяции. Вернувшиеся с фронтов Мировой войны солдаты, по резонному замечанию историка И.В. Нарского, «понимали восстановление справедливости как наведение порядка и принуждение «необстрелянных» соотечественников к дисциплине на военный лад, то есть как превращение тыла во фронт»⁸. Иными словами, для бывших фронтовиков жители тыла, не испытывавшие трудностей и лишений окопной жизни, превращались в идейных врагов, поскольку немцы и австрийцы, особенно после «братаний» 1916–1917 годов, подобный облик утратили. К тому же, нельзя забывать и о распространении среди представителей российской элиты и среднего класса германофильских идей в период Мировой войны⁹ – по-видимому, этот фактор тоже сыграл свою роль.

С другой стороны, характерной чертой российской Гражданской войны было заметное повышение политической активности масс, которым как раз и свойственны такие черты как «односторонность и преувеличение», а они, по словам французского психолога Г. Ле Бона, знаменуют собой отказ от сомнений и колебаний. Массам «знакомы только простые и крайние чувства»¹⁰, которые принимаются или отвергаются целиком. Поэтому политический противник, с которым идет фронтальное противостояние, воспринимается массой не иначе как объект уничтожения; так «чужое» становится синонимом «враждебного».

Определенным подспорьем в формировании «двухполюсной картины» мира в период Гражданской войны стали и отдельные черты российского менталитета, которому присуще «инверсионное закичивание между крайностями». С точки зрения современных исследователей, такой тип мышления «протекает между двумя полюсами дуальной оппозиции, например, «добро – зло», «верх – низ», «красные – белые» и т.д. до бесконечности»¹¹.

⁵ Ленин В.И. Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. // Полное собрание сочинений. Том 35. М., 1974. С. 103.

⁶ Правда. 1918. 3 января.; Правда. 1918. 8 сентября.; Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. М., 1993. С. 26.

⁷ Ленин В.И. О лозунге превращения империалистической войны в войну гражданскую. // Полное собрание сочинений. Том 26. М., 1969. С. 362.

⁸ Нарский И.В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной...». Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. С. 500.

⁹ Public Record Office (PRO). CAB/24/55. P. 170.

¹⁰ Le Bon G. Psychologie der Massen. Leipzig, 1919. S. 31, 33.

¹¹ Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуруровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск, 2002. С. 345, 379.

Подобное противопоставление имеет вполне положительный эффект, так как ведет к сплочению и внутренней мобилизации в условиях войны с внешним противником. Однако при переносе разногласий внутрь страны конфликт приобретает формат бескомпромиссного противостояния, что и произошло в России в 1918–1920 годах.

Тем самым, Мировая война и связанные с ней процессы поляризации общества способствовали формированию предпосылок для Гражданской войны, хотя главным толчком к эскалации внутреннего военно-политического конфликта в России послужили все же события 1917 года. Именно череда революционных потрясений (в первую очередь, Октябрьский переворот) привела к расколу общества на сторонников пришедшей к власти партии большевиков, ее целей и методов переустройства страны, и, соответственно, противников, как самого социалистического проекта, так и предложенного большевиками арсенала средств его реализации. Подобный раскол и послужил отправной точкой для начала полномасштабного противостояния.

Среди отечественных историков существует мнение, что «революция и гражданская война неотделимы»¹² друг от друга. Однако если к российским событиям этот тезис вполне применим, то в целом далеко не каждая гражданская война бывает порождена революцией (пример – гражданская война в США 1860-х годов). Следовательно, конфликт между большевиками и их противниками относится к типу «революционных гражданских войн», то есть происходящих во время революций вооруженных конфронтаций между идеологически окрашенными лагерями, каждый из которых опирается на контролируемую территорию (определение А.В. Шубина)¹³.

Такие войны по своей природе несводимы к элементарной бинарной оппозиции, когда сам процесс борьбы между различными общественно-политическими силами предстает, чуть ли не единственной сущностной чертой конфликта. Вооруженное противостояние часто является лишь фоном для масштабных изменений, происходящих в государстве как в силу необходимости добиться победы над противником, так и под воздействием идеологических воззрений противоборствующих сторон, напрямую с войной не связанных, или даже простого стремления к изменению «индивидами и группами своих социальных практик»¹⁴.

О такого рода конфликтах писал Н.А. Бердяев: «Гражданские войны во время революции являются роковой неизбежностью, и во время войн этих может быть проявлен большой героизм и самопожертвование. Но никакие гражданские войны не могут положить конец революции, не могут быть выходом из трагедии революций. Гражданские войны целиком принадлежат самой иррациональной стихии революции, они пребывают в революционном распаде и увеличивают этот распад»¹⁵.

Гражданская война в данном случае выступает не столько самостоятельным событием, сколько одним из этапов революции, на котором реализация планов пришедшего к власти правительства идет насильственными способами, что приводит к конфронтации между различными общественно-политическими группировками. К примеру, таковой точки зрения придерживается историк В.П. Дмитренко, по словам которого, «гражданская война становилась заключительной фазой революции, составляя ее закономерный этап, насыщенный фронтальным противостоянием главных ее участников»¹⁶.

¹² Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация. // Отечественная история. 1992. №6. С. 33.

¹³ Шубин А.В. Революционная гражданская война: критерии типологии. // Европейские сравнительно-исторические исследования. 2006. Вып. 2. С. 236.

¹⁴ Wagner P. A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline. London, 1994. P. 30.

¹⁵ Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. Берлин, 1934. [Электронный ресурс] – URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1924_21.html (Дата обращения 03.04.2011)

¹⁶ Дмитренко В.П. Экономика России как поле противоборства социальных интересов. // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год: Материалы первой сессии международной научно-практической конференции 28–30 июня 1993 года. Часть II. М., 1994. С. 99.

В данном вопросе вновь обратимся к трудам П.А. Сорокина, утверждавшего, что все «великие революции» (к которым, он причислял и российскую) проходят в своем развитии три основные фазы: «Первая... отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданиями обещаемых реформ. Эта начальная стадия лучезарна своим настроением, ее правительство гуманистично и милостиво, а его политика мягка, нерешительна и часто бессильна». После этого периода наступает вторая фаза – «деструктивная», когда пришедшее к власти правительство «безжалостно искореняет не только обветшалые, но и все еще жизнеспособные институты и ценности общества, а тем самым уничтожает не только отжившую свой век политическую элиту старого режима, но и множество творческих лиц и групп... И если случается, что торнадо второй фазы не успевает до основания разрушить нацию, то революция постепенно вступает в свою третью, конструктивную фазу. Уничтожив все контрреволюционные силы, революция начинает создавать новый социальный и культурный порядок»¹⁷.

Несмотря на достаточно глубокий смысл приведенных выше утверждений, далеко не со всеми из них можно согласиться. В частности, в России «конструктивная фаза» революции, обозначенная П.А. Сорокиным, началась уже на рубеже 1917–1918 годов, когда новое правительство – Совет Народных Комиссаров – во главе с В.И. Лениным предприняло первые попытки реализовать программу РСДРП(б). То есть, создание «нового социального и культурного порядка» стартовало не после разгрома контрреволюционных сил, а еще до начала открытой борьбы с ними. Собственно, и сама российская контрреволюция была порождена несогласием с первыми мероприятиями большевиков во главе государства в не меньшей степени, чем непризнанием легитимности их власти после свержения Временного правительства.

Как писал по этому поводу генерал Н.Н. Головин, «до появления у власти большевиков контрреволюционное движение не имеет четкой формы», а «максимализм большевистской программы и кровавое насилие, применяемое новыми вождями революции для осуществления этой программы, собирают в антибольшевистском лагере самые разнородные и даже враждебные друг другу политические группировки»¹⁸. Схожие суждения можно встретить в воспоминаниях и заметках многих деятелей антибольшевистского движения, объяснявших свое участие в Гражданской войне не только нежеланием признавать власть нелегитимного в их глазах Совнаркома, но и стремлением сохранить основы русской государственности и народ от уничтожения в ходе первых социалистических преобразований и «красного террора»¹⁹.

В конечном счете, французский исследователь Ж. Эллюль заключил, что контрреволюция в самом общем смысле рождается «в результате обесценения революции»²⁰, то есть утраты ей массовой общественной поддержки. Иными словами, мероприятия большевиков во главе государства в течение 1917–1918 годов, в сравнении даже с не самыми эффективными реформами Временного правительства, не нашли того отклика у населения России, который бы гарантировал единство общества, и настроили значительную часть граждан против новой власти. Это и стало одной из главных предпосылок для начала вооруженного конфликта.

Для понимания сущности борьбы между разными революционными силами в России, необходимо учесть, что уже весной – летом 1918 года в адрес большевиков их бывшими соратниками по революционному лагерю были выдвинуты обвинения в том, что те привели

¹⁷ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 223.

¹⁸ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Часть 2. Кн. 3. Париж, 1937. С. 97, 98.

¹⁹ См.: Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы в борьбе с большевиками в 1918 году. // Гражданская война в России: Борьба за Поволжье. М., 2005. С. 160.; Сахаров К.В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 7–8.; Трубецкой Е.Н. Звериное царство и грядущее возрождение России. Ростов-на-Дону, 1919. С. 13. и др.

²⁰ Ellul J. Autopsie de la revolution. Paris, 1969. P. 345.

страну к «новому самодержавию, еще более страшному, чем романовское»²¹. Заметим, что к этому периоду относится заметное сокращение числа членов РКП(б), уменьшение их представительства в местных Советах. Тем самым, противостояние большевикам не всегда было контрреволюционной деятельностью, а порой лишь попыткой вернуть революционное движение в правильное, с точки зрения антибольшевистских сил, русло. К слову, в том же духе рассуждали и зарубежные дипломаты²², считавшие победу большевиков в России лишь временным явлением.

В определенной степени, объединяющей идеей антибольшевистского движения было отрицание преобразований и нововведений членов РКП(б) во главе государства, среди которых можно выделить: построение однопартийной системы власти; введение «военного коммунизма»; отделение церкви от государства; отмену сословий; заключение Брестского мирного договора с Германией и т.д. Это, впрочем, совершенно не делало всех противников большевиков контрреволюционерами, поскольку к таковым следует относить общественно-политические движения, в целом выступающие против новаторства как «февральского», так и «октябрьского» периодов революции.

Представители данного направления стремились к реанимации монархического государства, стараясь в равной степени дистанцироваться и от проведенных под эгидой РКП(б) преобразований, и от последовавшей за свержением самодержавия демократизации армии, децентрализации власти, партийной борьбы в ущерб национальным интересам. Контрреволюционную часть антибольшевистского движения принято называть Белым движением или Белым делом. Это название стало утверждаться с 1918 года, когда в обществе наметилась тенденция называть «белыми» все «регулярные вооруженные формирования российской контрреволюции»²³.

При этом политические деятели, а вслед за ними и историки, часто использовали критерий социального состава движения для определения его отношения к революции. Считалось, что реформы, проведенные ВЦИК и Совнаркомом, должны были вызвать наибольшее недовольство у тех групп населения, чьи права оказались в большей степени ущемлены этими реформами в силу их политических взглядов и профессиональной принадлежности: представителей духовенства, частных предпринимателей, членов запрещенных большевиками политических партий, патриотически-настроенных солдат и офицеров. Иными словами, будучи в чем-то ущемлены большевиками, названные категории граждан становились активными противниками всего революционного процесса, то есть обладали более высоким «контрреволюционным потенциалом».

Например, крупный советский исследователь феномена контрреволюции Г.С. Хохлюк утверждал, что социальной опорой контрреволюционных сил «всегда было кулачество, помещики, буржуазия, белогвардейцы, составляющие эксплуататорское, грабительское меньшинство народа»²⁴. Соответственно, в случае участия подобных групп в антибольшевистском движении в том или ином регионе России, движение признавалось контрреволюционным, то есть утвердилось достаточно априорное суждение об изначальной контрреволюционности отдельных категорий граждан. Тем не менее, контрреволюция далеко не является исключительным свойством узких социальных групп, и картина социальной борьбы с Россией в период Гражданской войны оказалась намного сложнее подобных теоретических построений.

Так, на начальном этапе военных действий на Урале наиболее активными сторонниками борьбы с большевиками оказались рабочие местных заводов, интересами которых, как правило, члены РКП(б) обосновывали свои нововведения. С другой стороны, на территории антибольшевистской Северной области отношение местной буржуазии к войне генерал-

²¹ Омский вестник. 1918. 11 июня.

²² PRO. САВ/24/55. Р. 172.

²³ Штыка А.П. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991. С.11.

²⁴ Хохлюк Г.С. Уроки борьбы с контрреволюцией. М., 1981. С. 108.

губернатор Е.К. Миллер в письме бывшему члену Госдумы В.А. Маклакову охарактеризовал как «безразличное»²⁵. Да и в структуре советского военного и гражданского аппарата управления преобладали не рабочие и крестьяне, а представители дореволюционного чиновничества и офицерства²⁶.

При этом противоборствующие стороны придали категориям «контрреволюционная деятельность» и «большевизм» статус сурово караемых (вплоть до смертной казни) преступлений. Нетрудно представить, что использование таких неоднозначных формулировок привело к массовому вынесению практически ничем не подкрепленных приговоров.

Показательны в этом контексте мемуары военного прокурора антибольшевистской Северной области С.Ц. Добровольского: «Члены комиссии никак не могли понять, как можно осудить за принадлежность к «большевизму» лиц, не принадлежащих к РКП(б). Пришлось терпеливо приступать к долгим объяснениям, что с точки зрения закона приходится иметь дело с двумя преступными сообществами, из которых одно именует себя РКП(б), а другое – Советской властью. Ядро второго сообщества составляют Ленин и другие, но, кроме них, в состав его входят не только партийные коммунисты, но и другие лица, сознательно, а не в силу принуждения или из-за куска хлеба, примкнувшие к этому сообществу... Деятельность таких лиц в объективном смысле приносит не меньший вред, и в оценке ее судебная власть не исходит из партийной принадлежности, но лишь разрешает вопрос, поскольку данное лицо является сознательным агентом Советской власти»²⁷.

Аналогичные тенденции в тот же период имели место и по другую сторону фронта. В частности, член Коллегии ВЧК М.И. Лацис в одной из своих статей в 1918 году призывал подчиненных не искать «в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова у него профессия. Все эти вопросы должны разрешить судьбу обвиняемого»²⁸. Не менее категоричен был и Народный комиссар юстиции П.И. Стучка, по словам которого, «революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и прочим не связаны никакими ограничениями»²⁹.

Основываясь на подобных утверждениях, отечественный исследователь Н.В. Работяжев сделал вывод, что для советских чиновников и государственных деятелей принцип «революционной целесообразности» стоял выше законов³⁰. В этом они воспроизводили мысль Г.В. Плеханова, высказанную на II съезде РСДРП, что «благо революции – высший закон».

В конечном счете, под воздействием таких рассуждений в Советской Республике утверждается принцип коллективной (классовой) вины, ставится своеобразный знак равенства между понятиями «контрреволюционная деятельность» и «контрреволюционный потенциал». В подтверждение можно привести отрывок из приказа председателя Архангельского губернского исполнительного комитета П.Ф. Виноградова: «Довожу до всеобщего сведения, что за каждого погибшего члена губисполкома, исполкома и других заложников... будет расстреляно 10 человек из числа пленных и заложников, принадлежащих

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 44. Л. 79.

²⁶ См.: Трукан Г.А. Роль рабочего класса в создании органов Советской власти. // Вопросы истории. 1973. №11. С. 3–20.; Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. С. 175–178.

²⁷ Добровольский С.Ц. Борьба за возрождение России в Северной области. // Архив русской революции. Том 3. Берлин, 1922. С. 59–60.

²⁸ ВЧК уполномочена сообщить... М., 2004. С. 276.

²⁹ Сборник указаний и распоряжений рабочего крестьянского правительства. 1918. №44. С. 536.

³⁰ Работяжев Н.В., Соловьев Э.Г. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы. М., 2005. С. 268.

к лагерю контрреволюционеров и буржуазии»³¹. Именно в таких явлениях как «заложничество» и «красный террор» принцип коллективной вины проявился ярче всего.

Касаясь иных черт российской Гражданской войны, нельзя не сказать о ее географических особенностях, а именно о том, что это была война «центральной России с ее окраинами»³². Действительно, территория, контролируемая большевиками, в целом совпала с центральными губерниями бывшей Российской Империи, в то время как антибольшевистские силы заняли менее развитые в промышленном отношении и не столь густо заселенные Среднюю Азию, Сибирь, Дальний Восток, Юг и Север ранее единой страны. Такое положение дел оказало существенное влияние, как на усиление раздробленности и без того связанного множеством противоречий антибольшевистского движения, так и на ход военных действий.

С падением в России самодержавия резко обострились процессы децентрализации и регионализации. Интересно, что еще в ноябре 1907 года на одном из заседаний Государственной Думы глава Совета министров П.А. Столыпин говорил, что децентрализация возможна только «от избытка силы», а «в минуту слабости» такая политика способна разорвать «нити, которые должны скрепить центр с окраинами»³³. Революционные события 1917 года подтвердили этот тезис. Еще до свержения монархии, в годы Мировой войны, в национальных окраинах Российской Империи (Малороссии, Финляндии, Польше и др.) активизировались различные национальные движения, отстаивавшие независимость своих территорий и получавшие поддержку немецкого военного командования.

Ослабление центральной власти дало новый импульс к борьбе за суверенитет. Подобные требования регулярно поступали в адрес Временного правительства, в результате чего в течение 1917 года была признана независимость Польши и автономия Украинской Центральной Рады. Курс на достижение независимости Финляндии провозгласила местная Социал-демократическая партия, имевшая большинство в сейме. В наиболее активную фазу процесс регионализации вступил с приходом к власти большевиков и принятием ими «Декларации прав народов России». Данный документ провозгласил право народов на самоопределение – как следствие, по подсчетам современным специалистами в 1917–1920 годах на территории бывшей Российской Империи появилось около 70 государственных образований³⁴, конфликты между которыми естественным образом стали составной частью российской Гражданской войны.

В сущности, Гражданская война в свете процессов регионализации предстает конфликтом, отягощенным комплексом региональных и межрегиональных противоречий в этнополитической, религиозно-политической и иных сферах. Министр Временного правительства Северной области Б. Соколов, характеризуя столкновения между «красными» и «белыми» на Северном фронте, писал, что солдаты-добровольцы из местного населения «охотнее защищали свой район, свою деревню... чем вообще Северную область. Здесь у себя они могли противостоять против неизмеримо более сильного неприятеля, но с переводом их на другие фронты они впадали в уныние, в апатию, стремились к себе на родину, боясь, что другие полки, не свои, выдадут их деревни большевикам»³⁵. В таких условиях повсеместным стало сведение счетов не только между политическими оппонентами, но и представителями религиозных учений и отдельных конфессий, этническими группами, а также решение застарелых территориальных споров и т.д.

В итоге, крупный исследователь региональных аспектов Гражданской войны В.И. Голдин даже отнес «огромность территории страны, с неповторимым многообразием ее регионов в историко-географическом, социально-экономическом, культурном, религиозном,

³¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 383. Оп. 1. Д. 27. Л. 63.

³² Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М., 1993. С. 351.

³³ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 522. Л. 2.

³⁴ Тревиш А.И. Регионализация и централизация в России. // Региональные исследования. 2008. №5. С. 7.

³⁵ Соколов Б. Падение Северной области. // Гражданская война в России: Война на Севере. М., 2004. С. 336.

национально-этническом отношении» к факторам, способствовавшим эскалации военно-политического противостояния³⁶. Еще конкретнее выразились политологи В.А. Ачкасова и А.В. Чугунов, обрисовавшие «конфликтогенный характер регионализации, порождающей по принципу мультипликатора значительное количество коллизий и противоречий разного уровня и масштаба»³⁷.

В силу процесса регионализации и многоочаговости развития антибольшевистского движения, Гражданская война протекала одновременно на нескольких фронтах, главными среди которых были Северный, Южный и Восточный. Каждый из них отличался своими природно-климатическими особенностями, составом населения, уровнем развития транспортной инфраструктуры и военно-промышленного комплекса. Все это серьезно усложняло с одной стороны координацию усилий антибольшевистских формирований, а с другой – действия Красной Армии, также вынужденной проводить войсковые операции в разнообразных условиях.

При этом антибольшевистское движение контролировало в основном приграничные регионы, что облегчало связь с внешним миром, а это подводит нас к еще одной немаловажной стороне конфликта – иностранной военной интервенции.

Изучение интервенции с теоретической точки зрения является для отечественной науки сравнительно новой темой. Несмотря на то, что отдельные случаи иностранного военного вмешательства во внутренние дела независимых государств (Кореи, Греции, Вьетнама и т.д.) нашли отражение в исследовательской литературе, на данный момент сложно говорить о существовании общей теории, способной объяснить сущностные черты таких операций. Отсутствует также и унифицированный терминологический аппарат.

Как правило, отечественные ученые употребляют термин «интервенция» в значении «насилованное вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого государства»³⁸. Это определение является устоявшимся, но вряд ли можно полностью с ним согласиться. Указанная дефиниция, описывая особый вид международных конфликтов, не учитывает ни причины и цели осуществления интервенции, ни специфические средства, используемые для достижения этой цели, ни систему отношений, возникающих в ее процессе, между противоборствующими сторонами.

По-видимому, для понимания основных характеристик интервенции необходимо, в первую очередь, выявить черты, отличающие данный вид конфликтов от иных форм межгосударственного противостояния. Для решения этой задачи рациональным представляется использовать методологические наработки конфликтологии – относительно новой для России науки, объединяющей отдельные элементы проблемных полей философии, социологии, политологии, истории, юриспруденции и математики в единый комплекс для исследования конфликтных ситуаций. Основными понятиями конфликтологии являются структура конфликта (его субъекты и объект), этапы и динамика конфликта (эскалация и деэскалация), вид и форма конфликта. Исходя из этого, для полноценного изучения интервенции, как внешнеполитического конфликта, необходимо охарактеризовать ее через призму означенных категорий. В первую очередь, следует коснуться терминологических аспектов проблемы.

В частности, если путаницы между понятиями «интервенция» и «война», как правило, не происходит, так как граница между ними пролегает в чисто юридической плоскости (чтобы конфликт считался войной, ее необходимо официально объявить), то понятия «интервенция» и «вторжение» часто неверно используются как синонимы³⁹. Действительно, оба этих вида

³⁶ Голдин В.И., Журавлев П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005. С. 13–14.

³⁷ Ачкасова В.А., Чугунов А.В. Регионализация: политика и информационные технологии. // Социологические исследования. 2004. №4. С. 73.

³⁸ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1986. С. 496.

³⁹ См.: Грохотова В.В. Становление и развитие концепции «гуманитарной интервенции». // История государства и права. 2010. №5. С. 8–12.; Сафронова Е.И. Актуализация проблемы допустимости гуманитарной интервенции.